

Малая Садовая улица в Санкт-Петербурге: опыт становления публичного пространства

Анна Желнина

В Петербурге с недавних пор – с 90-х годов XX века – появилась практика искусственного формирования публичных мест. Отдельные улицы города реконструируются и превращаются в пешеходные – но только в редких случаях становятся полноценными публичными местами. Анализу того, как и почему это происходит (или не происходит) и посвящена данная статья. На примере одного случая – пешеходной улицы Малая Садовая, находящейся в центре Петербурга, рассматриваются процессы производства места, конструирования его значимости; а также его восприятия и использования горожанами.

В современной социологии и социальной антропологии тема публичного городского пространства вызывает неизменный интерес. С тех пор, как к ней обратились представители Чикагской школы (в первой половине XX века), сменилось множество ракурсов и методов рассмотрения проблемы. В отечественной науке же городская публичность привлекла к себе внимание относительно недавно. Между тем неразумно было бы отрицать огромное значение этого аспекта современного города: «публичность является “нервом” городского буржуазного общества, представляет собой необходимую предпосылку для существования демократии, да и городского образа жизни в принципе – ведь основным признаком города считается поляризация публичной и приватной сфер»¹.

В то время как в западной науке написано немало работ о публичной сфере города², на российском материале такие исследования практически отсутствуют. Однако западные мегаполисы едва ли возможно считать полностью аналогичными российским. Осмысление публичности в нашей стране, как нам кажется, способствует пониманию общих тенденций развития как города, так и гражданской культуры в целом.

Объектом исследования стала Малая Садовая улица в Санкт-Петербурге. Выбор объекта определило то, что эта улица – единственный пример бесспорно успешного устройства нового публичного места в городе. Реконструкция улицы была произведена по воле городской администрации, однако официальный проект был воспринят горожанами на уровне практики (в отличие от многих других «мертвых» проектов – можно сравнить с неудачным опытом реконструированных дворов Капеллы, пустынной Малой Конюшенной улицей и некоторыми другими).

Предмет исследования – поведение посетителей Малой Садовой, их взаимодействие, интеракция. Понятие *интеракции* принципиально важно для всех исследований публичного пространства – именно в процессе интеракции возникает публичная культура и многие другие интересующие нас явления.

¹ *Wüstenrot Stiftung* (Hrsg.). *Jugendliche in öffentlichen Räumen der Stadt*. Opladen: Leske+Budrich, 2003. S.15.

² См., например: *Whyte W.H.* *City. Rediscovering the Center*. New York: Doubleday, 1988; *Lofland L.H.* *The Public Realm*. New York: Aldine De Gruyter, 1998; *Zukin S.* *The Cultures of Cities*. Cambridge, Massachusetts, Oxford: Blackwell, 1995; *Wüstenrot Stiftung* (Hrsg.). *Op. cit.*

Под публичной культурой мы понимаем модели поведения в общественных местах. Она конструируется на микроуровне, «в случайных встречах, из которых состоит повседневность улиц, магазинов и парков»¹. Мы не ищем публичную культуру в поле абстрактных теорий, идеологических программ, законодательства или проектов застройки – она «живет» в непосредственном общении, и «вскрыть» ее исследователь может, лишь наблюдая за повседневными практиками. В конечном счете, именно в интеракции выражаются культурные установки, именно она (либо ее отсутствие) показывает, насколько успешно сформировалось публичное место.

Проблема публичных мест в социологии и смежных дисциплинах

В изучении публичных мест города, несмотря на то, что эта тематика вошла в общественные науки относительно недавно, есть свои «священные коровы», основоположники и наиболее авторитетные исследователи, без упоминания которых любой текст на тему будет неполным.

Изучение городской культуры ведется различными социологическими методами так же долго, как существует сама эта наука. Однако городская публичность заинтересовала ученых относительно недавно – во второй половине XX века, когда начал свои разработки Уильям Уайт. По словам его последовательницы Лин Лофланд, Уайт был первым, кто «обосновал политическую необходимость публичного пространства для жизни города»². Та же Лофланд, определяя предмет исследования, говорит о *public realm*, публичной сфере. Публичная сфера не равна по значению публичному пространству города; она «состоит из тех мест, где встречающиеся индивиды в большинстве случаев лично не знакомы или знакомы друг с другом только категориально»³. То есть, люди являются друг для друга «незнакомцами» и могут определить другого только в рамках его профессии или другого вида «неличной идентичности».

Большинство исследователей рассматривают публичное пространство как некую «игровую площадку», арену для самовыражения, самоутверждения и демонстрации различий социальных групп и культур, представители которых живут в данном городе: «Публичное пространство может служить сценой для различных социальных групп, которые разграничиваются посредством отличительных символов»⁴. В свою очередь, все посетители публичных мест являются одновременно наблюдателями, зрителями определенных ситуаций и происшествий, и их участниками, актерами. На этом принципе строится интеракция в публичных местах; чаще всего она носит визуальный характер. «Улица – это сцена», писал Уайт. «Независимо от функции этих жестов и движений, улица является идеальным местом для их выражения. Они имеют тенденцию быть более экспрессивными, чем во внутренних пространствах»⁵.

Изучение интеракции в публичных местах представляется важным потому, что процесс этот, при всей его кажущейся привязанности к микроуровню, на самом деле дает вы-

¹ Zukin S. *The Cultures of Cities*. P. 11.

² Lofland L.H. *The Public Realm*. P. 4.

³ *Ibid.*, p.9.

⁴ *Wüstenrot Stiftung*, Op. cit., S.18.

⁵ Whyte W.H. Op. cit. P.21.

ход на более глобальные проблемы, в том числе и политические – образование публично-го места в немалой степени зависит от воли городской/муниципальной администрации, которая создает (или не создает) условия для его появления. По замечанию того же Уайта, «люди обычно сидят там, где есть места для сидения»¹ – то есть, забота о привлечении публики лежит на градостроителях и прочих власть имущих. По словам Шэрон Зукин, «те, кто обладает экономической и политической властью, имеет больше возможностей формировать публичную культуру, контролируя строительство публичных мест города в камне и бетоне»². И речь здесь идет не только о наличии удобных сидячих мест, но вообще о заинтересованности «высших слоев» в наличии публичности в городе. «Простые» люди, в свою очередь, проявляют свою волю в процессе присвоения, практического «обживания» пространства и наделяния его определенными значениями – но этот процесс легче пойдет тогда, когда будут созданы комфортная физическая среда и привлекательный имидж места.

Становлению публичных пространств в Санкт-Петербурге, на наш взгляд, мешают цели, которыми руководствуются городские власти при реконструкции и превращении улиц в пешеходные. Это не непосредственно интересы публичной сферы города, а интересы экономические – поскольку площади (жилые и торговые) вблизи реконструированных зон пользуются спросом и дорожают, городской бюджет в таких реконструкциях заинтересован. Но поскольку условия, при которых людям комфортно и интересно находиться на какой-то улице, учитываются не всегда, то множество проектов потерпели полный крах (особость улиц ограничивается покрашенными стенами домов, брусчаткой и коваными решетками). В случае же Малой Садовой многие условия были-таки соблюдены (случайно или по усмотрению).

Методы изучения «жизни улиц»

Уильям Уайт, пионер изучения городской публичности, обозначил методы, адекватные этому предмету. Он «ходил по улицам и публичным местам города и смотрел, как люди их используют»³ – так он описывает свое поле и метод. Его знаменитое исследование, которое продолжалось двадцать лет и легло в основу книги «City. Rediscovering the Center» было проведено в США 1970–80-х, когда количество публичных мест в крупных городах возрастало с каждым годом, и «все больше людей приобретали привычку их использовать»⁴. Примерно то же самое мы можем наблюдать сегодня в крупных российских городах.

Наше исследование на Малой Садовой улице проводилось качественными методами, прежде всего, методом «невключенного» наблюдения, обогащенного приемами визуальной антропологии. В целом, изучение городской публичности антропологическими методами оправдано потому, что наблюдение за конкретными практиками, за поведением в публичном месте дают выходы на проблемы более высокого порядка, такие, как публичная культура, идентичность горожанина, самопрезентация и т. п. Основным методом ра-

¹ Whyte W.H. Op. cit. P.2

² Zukin S. Op. cit. P.11.

³ Whyte W.H. Op. cit. P.1.

⁴ Whyte W.H. Op. cit. P.2.

боты являлось наблюдение, данные фиксировались в протоколах наблюдения, либо в фотоснимках.

Фотография, с нашей точки зрения, наилучшим образом подходит для изучения социальной интеракции, привязанной к определенному контексту. Фотографировать можно «социальные сценки», «как люди разыгрывают свои роли». «Улицы города могут быть практической лабораторией для фотографического анализа социальных феноменов»¹. Не последним аргументом в пользу фотографии является то, что в нашем поле это совершенно нормальная и понятная деятельность (с точки зрения изучаемых). Человек с фотоаппаратом не вызывает удивления и резкого неприятия – с этим положительным эффектом мы столкнулись и в ходе полевой работы, когда фотоаппарат позволял выглядеть в глазах окружающих туристом и не вызывать подозрений.

Наблюдение за жизнью улицы длилось в общей сложности год (апрель 2004 – апрель 2005) – таким образом, в поле зрения попали ее сезонные изменения. Кроме того, наблюдения проводились в разное время суток; стандартная длительность наблюдения заранее не устанавливалась и варьировалась в зависимости от погоды и количества людей на улице. За это время было сделано около пятисот фотографий, некоторые из которых приводятся здесь в качестве иллюстраций.

Малая Садовая: «историческая» и физическая среда улицы

История места важна нам не столько сама по себе, сколько в связи с тем, как она излагается (и излагается ли вообще). Малая Садовая любопытна тем, что «актуализация» улицы при ее превращении в пешеходную повлекла за собой развитие ее «мифа» (термин здесь применяем достаточно условно) – например, была издана книга историка Ю. М. Пирютко «По Малой Садовой: три века вместе», содержание которой нетрудно восстановить по названию. Проект реконструкции улицы до сих пор (хотя прошло уже больше пяти лет) является предметом гордости городских властей; Малая Садовая используется как парадная картинка, открытка, представляемая и горожанам, и гостям города (посещение улицы многие турфирмы включают в обязательную экскурсионную программу для гостей города).

В советское время Малая Садовая прославилась как место, где встречались представители разного рода «андеграундных» искусств (примерно до семидесятых годов, когда центр неофициальной культуры переместился в кафе «Сайгон», а улица снова стала «обычной»). Вновь интерес публики она испытала только в конце девяностых годов XX века, когда в ходе подготовки трехсотлетнего юбилея Петербурга была реконструирована и превращена в пешеходную (8 октября 1999 года). Авторы архитектурного проекта Малой Садовой – А. В. Домрачева и О. А. Харченко; Городской штаб по благоустройству назвал улицу лучшей в Петербурге по комплексному благоустройству. В осуществлении проекта участвовало огромное количество фирм², потребовалось много материальных

¹ *Collier J. Visual Anthropology: Photography as a Research Method (Studies in Anthropological Method). New York: Holt, Reinhart and Winston, 1967. P.21.*

² Теперь многие участвовавшие в реконструкции фирмы используют факт своей работы на Малой Садовой как рекламный козырь. Таким образом, не только официальный Петербург представляет-

средств – но, как утверждается, проект не только окупился, но и принес городу доход, поскольку были скуплены все подвалы в зоне реконструкции, а доход местных магазинов возрос в 10 раз.

Реконструкция улицы вызвала противоречивую реакцию – публикации в прессе и отзывы горожан представляют весь спектр эмоций: от восхищения до полного неприятия. Кого-то все устраивает, радуется чистота и отсутствие машин, а кого-то раздражает то, что улица «не вписывается» в архитектурный стиль города. Полемика, конечно, интересна, но в данном исследовании нас в первую очередь интересовал уровень практики, а не выраженных установок – а на этом уровне Малая Садовая пользуется огромной популярностью. Чтобы это понять, достаточно завернуть на улицу в погожий выходной день – свободное место на скамейке или хотя бы подоконнике отыскать можно будет с трудом; даже чтобы просто пройти придется постоянно оглядывать группы отдыхающих.

Сегодня на Малой Садовой есть вымощенная плиткой дорога с системой снеготаяния (растопливает снег и лед зимой), скамейки, клумбы с кустами и цветами, а также скульптура малых форм – «Фотограф», кот и кошка, установленные напротив друг друга на уровне второго этажа зданий, «выставочный комплекс в виде сталагмитов», именуемый в народе «пирамидами», мраморные львы у входа в трактир «Маша и Медведь» и фонтан-часы «Каскад» с крутящимся шаром. Кроме перечисленных памятников, к зоне Малой Садовой можно отнести «добрую собаку» (Гаврюшу) с ящичком для желаний. Несмотря на то, что Малая Садовая – одна из самых коротких улиц Петербурга (всего 152 метра), на ней уместилось огромное количество заведений, в большинстве своем гастрономических.

Несмотря на то, что художественное совершенство установленных скульптур можно оспаривать, у людей они пользуются несомненной популярностью – постоянная фотосъемка происходит у фигуры Фотографа¹; на мраморных львов забираются дети (иногда и взрослые), коту Елисею бросают монетки, Гаврюше пишут записочки с желаниями и т. п.

Жизнь Малой Садовой: результаты наблюдений

В ходе наблюдений мы зафиксировали самые разные виды деятельности: люди прогуливаются, встречаются, едят и пьют, курят, разглядывают прохожих, рассматривают скульптуры, беседуют. Пользуясь опытом «Project for Public Spaces» (см. ниже) и работками Лин Лофланд, выделим аналитические категории, позволяющие четко разложить деятельность в публичных местах города на ряд компонентов: направленность интеракции (замкнутость на себя, на группу «своих», открытость для интеракции с незнакомыми людьми), потребление, демонстративное поведение, наблюдение (people-watching). Уже при простом перечислении очевидно, как условны границы между категориями – один и тот же вид деятельности может быть отнесен к нескольким категориям. Так, например,

ся через Малую Садовую туристам и жителям города, но и коммерческие организации нашли ей применение в качестве элемента самопрезентации.

¹ Прообразом для него послужил известнейший фотограф дореволюционного Петербурга Карл Булла – то, что выбрали именно его, показательно: для современного Петербурга очень актуальна апелляция к Петербургу дореволюционному, имидж города сегодня все больше «привязывается» к тому времени.

поведение парочки влюбленных – может быть истолковано и как демонстративное поведение, и как замкнутость на себя. В целом, практически невозможно говорить о полной замкнутости присутствующих в публичном месте людей – все они приходят туда, чтобы что-то увидеть или что-то показать, но степень открытости к контакту с незнакомцами может быть разной. Поэтому наше деление на категории носит инструментальный характер, необходимо только для удобства анализа и не имеет самостоятельного значения.

Взаимодействие с *памятниками*, элементами искусственного окружения улицы происходит не менее активно, чем совпал интеракция с незнакомцами (см. диаграмму 1). Как уже говорилось, обстановка улицы не в последнюю очередь способствует ее известности. Так, кот Елисей, установленный на карнизе Елисеевского магазина, достаточно популярен – ему бросают монетки, радостно подпрыгивают к нему (причем не только дети). Недавно кот Елисей попал даже в городские новости, когда на некоторое время исчез с Малой Садовой. Инцидент заключался в том, что некие мальчишки долго подбирались к полочке с котом, куда бросают деньги, и сломали постамент; в результате кота временно эвакуировали и поставили назад уже на новую полочку.

Фотограф Булла и его мопс затерты до золотого цвета всеми теми, кто ежедневно забираться на постамент, чтобы сфотографироваться. Пирамиды («выставочный комплекс в форме сталагмитов») в центре улицы служат местом встреч, а потому ожидающие кого-то люди разглядывают содержимое пирамид. «Добрая собака» Гаврюша – объект не только туристической, но и «деловой» активности (ниже об этом будет сказано подробнее). Возможно, такое обилие малой скульптуры раздражает некоторых эстетов, но определенно «разряжает» атмосферу, успокаивает людей, дает за что зацепиться глазу, и т. д.

Кроме того, интересная особенность памятников на Малой Садовой – это способность формировать вокруг себя очажки интеракции незнакомых между собой людей (см. рис 1). Например, нам не раз приходилось наблюдать подобные ситуации:

Около кота Елисея оживление. Несколько человек (среди них – пара мальчиков, двое молодых людей постарше, один среднего возраста) пытаются забросить на полочку, на которой сидит кот, монетки. С первого раза не получается ни у кого. Они продолжают свои попытки. Стоящие вокруг люди начинают обращать на них внимание, потому что бросающие хохочут, монеты звенят, когда падают на землю. Собирается кучка наблюдателей, которые начинают показывать на кидających пальцами и обсуждать процесс. Проходящие мимо люди иногда задерживаются на минутку, смотрят на бросающих, потом идут дальше¹.

¹ Протокол наблюдения от 17. 04. 2005.

Рис. 1.

Подобное происходит и около фигуры Фотографа – кто-то снимается на его фоне, принимает какую-нибудь забавную позу (например, ребенок забирается верхом на мопса), и вокруг сразу собирается группка наблюдающих. Такая способность собирать вокруг себя людей свойственна только тем скульптурам, которые находятся на оживленном пешеходном пути – Гаврюша, напротив, может собрать толпу только «неслучайных» людей, которые специально шли к нему и знали, в каком дворе он находится.

Публичное искусство (public art) – очень важное звено в коммуникативных цепочках публичной сферы; не только, как в приведенных выше примерах, в непосредственной интеракции лицом к лицу, но и в коммуникации общегородской, опосредованной различными масс-медиа. В идеале, установка различных скульптур, мозаичных панно, фонтанов должна производиться не столько *для* публики, сколько *самой* публикой – согласно организаторам публичных мест на Западе, необходимо сотрудничество муниципальных властей и горожан, открытое обсуждение всех подобных проектов. Роль такого рода дискуссий в формировании городской публичной культуры переоценить трудно, однако в Петербурге его пока нет – установленный, например, на Малой Конюшенной улице памятник Городовому, «выставлен на обсуждение», о чем сообщает стоящий рядом щиток; однако, памятник уже установлен, причем в таком неудачном и малозаметном месте, что обсуждения не произошло.

Значимость Малой Садовой для посетителей подтверждается тем, что очень часто можно видеть людей, вооруженных фотоаппаратами. Чаще всего фотографируются у памятника фотографу Булле – подавляющее большинство фотографирующихся выбирают

именно это место, хотя привлекательны и пирамиды, и крутящийся шар, и просто клумбы с кустами.

Интеракция с незнакомцами. На Малой Садовой царит такая атмосфера, которая располагает людей быть относительно открытыми к чужим. В категорию «интеракция с незнакомцами» входит разглядывание людей, демонстративное поведение, любой вербальный контакт, просьбы сфотографировать и прочее. Всякая необычная деталь будет сразу же замечена присутствующими на улице людьми. Например, человек с большим фотоаппаратом и штативом (автор данной статьи) не только привлек внимание, но и дал окружающим повод проявить свою общительность – люди махали в камеру, просили их сфотографировать, интересовались, зачем производится съемка, где будут опубликованы фотографии и т. п. В другом месте, менее располагающем к взаимодействию с чужаками, такого бы не произошло (например, в относительно спокойном, но менее «публичном» месте, таком, как площадь перед Александринским театром неподалеку от Малой Садовой).

Еще одним способом взаимодействия с незнакомцами можно считать *демонстративное поведение, или уличный спектакль*. Выше приводился тезис о том, что улица представляет собой сцену, на которой каждый прохожий получает возможность разыграть свой спектакль. Ярче всего это положение можно проиллюстрировать с помощью явления, которое получило рабочее название «демонстративное поведение». Сюда относим особенно шумные и громкие действия. Так, например, нам пришлось наблюдать на Малой Садовой свадьбу; молодожены довольно откровенно вели себя и всячески давали понять окружающим, что имеют на это право, поскольку только что поженились. Но это крайний пример, каких мы старались избегать, обращая внимание преимущественно на обыденное течение жизни улицы.

Для обозначения людей, ведущих себя таким образом, Уайт употребил понятие *street-performers*: это не артисты, выступающие на открытом воздухе, а люди, разыгрывающие свое повседневное представление. Он приводил в пример мужчин, разглядывающих и громко обсуждающих проходящих мимо женщин; парочки влюбленных и т.д.

Так, некоторые люди (особенно молодым, подросткам) на Малой Садовой начинают преувеличенно громко хохотать (например, когда две девушки сидят на скамейке и беседуют – трудно представить себе, что так же громко они бы смеялись, если бы сидели у себя на кухне и говорили о том же) или громко разговаривать (девушки, сидящие на скамейке с пивом очень громко обсуждают свою личную жизнь, так что все прекрасно слышно сидящему напротив на расстоянии около пяти метров наблюдателю). Можно отметить подчеркнуто долгие поцелуи влюбленных, которые при этом стоят посередине пешеходного пути – не в стороне улицы, где поток замедляется, а на самом оживленном месте. Снова процитируем Уайта: «Независимо от функции жестов и движений, улица является идеальным местом для их выражения. Они имеют тенденцию быть более экспрессивными, чем во внутренних пространствах»¹. Чувства и порывы могут быть сколь угодно искренними, но это не отменяет того факта, что их поведение – спектакль, направленный

¹ Whyte W.H. Op. cit. P.21.

на присутствующую аудиторию¹. Интересно, что такое демонстративное поведение при-
сутствует именно молодежи – людям, более других нуждающимся в самоутверждении².

Во дворе, где сидит «Добрая собака» (Гаврюша), стены покрыты граффити. Над-
писи запрещены, их постоянно закрашивают, но они быстро возобновляются. Такая бла-
годатная тема для самовыражения, как желания, не может ограничиться только написани-
ем записочек – поэтому «крики души» помещаются на стены. Граффити – тоже способ
коммуникации (с незнакомцами), и пользуются им различные группы молодежи. Однако,
этот способ опосредованный – это уже не интеракция лицом-к-лицу, которая свойственна
публичным местам; она трансформировалась в русле описанной Ричардом Сеннеттом ме-
диализации и интимизации городской культуры³. Интересен также следующее: надписи,
которыми испещрены стены двора, отсутствуют на стенах на самой Малой Садовой.
Возможно, это связано с ощущением меньшего контроля во дворе, а также с разделением
разных видов деятельности на приемлемые и неприемлемые в определенном месте («дик-
тат сцены»). Что можно во дворе, нельзя делать на улице – и это актёры (в данном слу-
чае – молодежь) прекрасно понимают.

Еще один интересный вид коммуникации, на сей раз с «широкой общественностью»,
осуществляется на Малой Садовой посредством регулярных включений «Пятого канала»,
в ходе которых корреспонденты задают вопросы или выслушивают мнения горожан,
«пойманных» на улице. Тут же, в Доме Радио, находится «Открытая студия» телеканала, в
окне которой выставлен большой телеэкран, а через большие окна можно видеть сидящих
внутри ведущих и гостей. В те моменты, когда обсуждались какие-то важные для города
вопросы, нам приходилось видеть рядом с Домом Радио большие скопления желающих
выступить перед камерой людей.

Отдельного упоминания заслуживает *«игровая активность»*. Это именно «игры» –
знак того, что люди расценивают улицу как пространство для расслабления и досуга. На
улице очень часто можно наблюдать мам, прогуливающих с детьми – причем они, ви-
димо, не беспокоятся за своих чад: отпускают бегать и забираться на памятники. Одна из
важнейших характеристик удачного публичного места – ощущение безопасности, и такое
поведение мам достаточно четко указывает на него (см. рис 2).

¹ Ibid., p.22.

² См. *Wüstenrot Stiftung (Hrsg.). Op. cit.*

³ *Сеннетт Р. Падение публичного человека. М., 2002.*

Рис. 2.

Дети бегают, играют (в снежки), ковыряются в клумбах, хватаются за скульптуры. Но играют не только дети:

На углу с Невским проспектом играют музыканты. Вокруг собралась большая толпа – вокруг фонтана с шаром.

Играют в сокс между фонтаном и скамейкой (расстояние около метра): (подбрасывают ногами мешочек с чем-то тяжелым) (4м 1ж). У тех, кто играет в сокс, вещи сложены на фонтан. Им места явно мало, но они не уходят поглубже, где меньше народу. Когда у играющих мешочек улетает в фонтан – спокойно забираются на него (фонтан еще выключен)¹.

Замкнутость/общение со «своими». Оговоримся снова, что полной замкнутости в публичном месте быть не может – любой, кто приходит на улицу, вовлекается в процесс интеракции с со-присутствующими.

Часто люди приходят на Малую Садовую группами, назначают там встречи – и продолжают потом общаться в своем коллективе. Очевидно, что для некоторых групп молодых людей эта улица стала постоянным местом встреч и проведения свободного времени. Чаще всего люди появляются на Малой Садовой парами и тройками, но в выходные и погожие дни группы могут достигать более десятка человек. Люди договариваются там о встрече – иногда уходят, а иногда и остаются на улице. Чаще других никуда не уходят молодые – радостно и шумно встретившись, они так же радостно и шумно переключиваются от пирамид к подоконникам универсама, садятся на скамейки и продолжают общение (с сигаретами и спиртным – без этого обходится редко). Ведут себя такие группы (вне зависимости от возраста) всегда шумно. Громкий смех, обсуждение личных проблем так, что слышно всем вокруг, иногда беготня и игры – все это можно наблюдать на улице в людные часы.

Группа подростков (4м) у пирамид встретила другую группу (4м). Радостно обнимаются, шумят. Продолжают стоять у пирамид. Через минуту перебираются к подоконникам универсама Парнас, некоторые усаживаются, другие продолжают стоять. Подростки прибывают, жмут руки. Парами подходят к тем, что на подоконнике. Толпа занимает уже два подоконника. Мимо меня пробегает подросток с 2-литровой бутылкой пива. Помахал рукой, «привет» - тем двоим, что сидят рядом со мной. Они его очевидно не знают. Он подбегает к толпе на подоконниках Парнаса. Через пятнадцать минут толпа от Парнаса уходит в сторону Невского, паренек с 2-

¹ Протокол наблюдения от 26.03.2005

литровой бутылкой пива остается один, неуверенно держится на ногах¹.

Интересно рассмотреть также и людей, которые приходят на улицу одни – а таких немало. *Одиночки* обычно сидят на скамейках (если они не ждут кого-нибудь: ждущие чаще всего стоят и смотрят выжидающе вдаль). Самые распространенные виды деятельности одиночек – курение, чтение, разглядывание прохожих, употребление напитков и т.п. Вот пример из протокола наблюдения: в холодную погоду человек просидел на улице больше часа и проделал практически все, что обычно делают одиночки на улице.

(12-40; около -5°C) Молодой человек на скамейке читает бесплатную газету *Gaude*. Через пару минут он уже говорит по мобильному телефону. Рядом на скамейке – бутылка пива. Через пять минут он закончил разговор по телефону и взял бутылку, стал пить. Вокруг на скамейке разложены его вещи: сумка, газета. Он сидит на газетке. Начинает что-то писать в тетрадке. Писал около 5 минут. Потом достал сигарету, закурил. Еще через пять минут молодой человек напротив уже не пишет, глазеет. Еще через пару минут достал толстую книгу, листает. Молодой человек напротив пьет пиво; он без перчаток. Греет руки, застегнул куртку².

Большинство «классиков» изучения публичности (Уайт, Сеннетт, Лофланд) сходятся во мнении, что публичное место должно пестреть разнообразием – люди разных возрастов, уровней достатка, национальной принадлежности должны встречаться в публичном месте. В этом отношении на Малой Садовой все же наблюдается перевес в сторону определенных групп. Преобладает *молодежь*, особенно в будние дни и по вечерам, что, вероятно, связано с тем, что молодые люди обладают большим количеством свободного времени, чем другие возрастные группы, но немаловажно также и то, что эта группа более открыта публичности, чем прочие. Именно молодежь проводит свой досуг в открытых публичных местах (в то время как остальные могут выбирать какие-то более специализированные места с ограниченной доступностью, т.е. с публикой определенного типа). Так и наиболее постоянными и систематическими посетителями Малой Садовой улицы являются именно молодые люди (см. рис. 3.). Именно они приходят на улицу специально, а не просто случайно завернув с Невского и решив отдохнуть.

Около 15.15 на улицу со стороны Невского проспекта приходят три девушки. Одна из них несет довольно большой магнитофон, включенный на большую громкость. Они проходят к подоконникам уни-

¹ Протокол наблюдения от 7. 02. 2005

² Протокол наблюдения от 18. 11. 2004

версама Парнас, ставят на подоконник магнитофон. Одна девушка садится, две остаются стоять. Они разговаривают, пританцовывают под музыку. Уже сидевшие на подоконниках люди (тоже молодежь) также начинают притопывать ногами в такт. В центре улицы два молодых человека, играющие в сокс. Один из них начинает танцевать¹.

Рис. 3.

Улицы вообще представляют собой «обучающую площадку» для подрастающих поколений. Молодежь более общительна, более спортивно активна; публичное пространство улицы предоставляет возможности для репрезентации и представления себя (что особенно важно для молодых людей), для изучения системы ролей, идентичностей, различий, собственных обществу; молодежь называют «пионерами публичного пространства»². В случае Санкт-Петербурга можно сделать следующее предположение: поскольку дела с публичностью в городе обстоят очень плохо уже давно, а в новых публичных местах (немногочисленных) присутствует в основном молодежь, можно надеяться, что такое положение говорит о становлении публичности, о том, что в будущем ее шансы на существование будут расти. Недостаточная представленность пожилых людей на Малой Садовой связана, на наш взгляд, с тем, что они не привыкли к публичности такого типа, и теперь, несмотря на наличие у них свободного времени в том же объеме, что и у молодых людей, не умеют или не желают воспользоваться новыми пространствами.

Лин Лофланд среди «негативных черт» публичности упоминала наличие «нежелательных» социальных элементов. Публичное место не только привлекательно, но и пугает тем, что там можно столкнуться с тем, чего не ожидаешь, с тем, чего видеть не хочешь. Но, поскольку доступ туда открыт всем, избежать таких встреч невозможно – это неотъемлемая часть *разнообразия* (diversity). Так, на Малой Садовой кому-то может показаться отталкивающим присутствие подвыпившей молодежи, пристающей к прохожим, или бом-

¹ Протокол наблюдения от 2005-04-17

² *Wüstenrot Stiftung* (Hrsg.). *Jugendliche in öffentlichen Räumen der Stadt*. Opladen: Leske+Budrich, 2003.

жей в грязной одежде, собирающих бутылки и сидящих на скамейках. Тем не менее, гендерное, возрастное, профессиональное, материальное разнообразие подразумевает терпимость ко всем присутствующим группам и более того, обучение этой терпимости. Поэтому хорошо одетая молодежь, собирающие бутылки бедняки и мамы с детьми присутствуют в одном месте, чувствуют себя при этом в относительной безопасности и переживают общий социальный опыт. Здесь снова уместно сказать о том, что наличие публичных мест принципиально необходимо для демократизации общества, для становления мультикультурализма и терпимости. Об этом пишет Шэрон Зукин: «Публичные пространства важны тем, что в них незнакомцы свободно общаются друг с другом... они позволяют нам создать идеологию города, которая бы учитывала его открытость чужакам, терпимость к различиям и открытые им возможности полноценной политической и экономической жизни для всех»¹.

Малая Садовая – место не только досуговых практик горожан. Интересен тот спектр занятий, который мы обозначили как «местный бизнес». Кроме официально зарегистрированных магазинов, кафе и других заведений, предлагающих определенный досуговый сервис, существуют и «свободные» бизнесмены. К числу таких мы относим «уличных артистов» (музыканты, фокусники, шарманщики, ряженые – см. рис 4), которые регулярно появляются на Малой Садовой (чаще всего в месте ее пересечения с Невским проспектом, около фонтана, у пирамид и у Дома Радио).

Рис. 4.

В эту же категорию попадают молодые люди школьного возраста, рассказывающие «историю про собачку» во двореке рядом со скульптурой Доброй собаки. Вокруг Гаврюши сложилась группа мальчишек (около 40 человек), которые за вознаграждение рассказывают историю возникновения скульптуры, оформления самого дворика, ящика желаний и т.п. Как выяснилось, Гаврюша стал первой скульптурой в городе, о которой начали «рассказывать» (на языке самих информантов) эти ребята – позже, в связи с успехом ме-

¹ Zukin S. Op. cit. P.259-260.

роприятия – «рассказывать» стали и о других «новодельных» скульптурах (о «Дереве желаний», которое находится в одном из дворов между Малой Садовой и Манежной площадью, например).

(Из полевых заметок):

Н. рассказывает уже 4 года. Живет на Невском. «Заработал на дорогу и поехал». М. придумал, потом хотел, чтобы ему все за это деньги платили. И про другие памятники – они все появились на Малой Садовой в одно время, в один год. Народу много рассказывает – начинают перечислять прозвища, обсуждают попутно – «Эти такие дауны». Они все друг друга знают. Я спрашиваю – кто в основном слушает. В основном туристы. Свадьба была. Жених отстегнул тысячу рублей – это самый большой заработок Н. за один рассказ¹.

Кроме того, к «местному бизнесу» можно отнести и разнообразных торговцев – например, пищащими и ползающими игрушками; «людей-бутербродов», которые прогуливаются по улице со своими рекламными щитами, и т.п. На Малой Садовой в самое людное время всегда выступают музыканты или какие-нибудь другие уличные артисты. Они стоят обычно либо около Елисеевского магазина, либо на другом конце улицы, около дома Радио.

Жизнь Малой Садовой тесно связана с *потреблением*. Так, основной вид деятельности – распитие спиртных (и не только) напитков (см. диаграмму 1), посещение магазинов, кафе, поедание только что купленного в универсаме прямо на свежем воздухе (продукты разложены на скамейке или подоконнике); слушание музыкантов и т.п. Эту черту – потребление – Зукин считает основной: «в городе публичная культура – это культура улицы, торгового центра, где социальность следует за общей погоней за товарами и рискованными вспышками различий»². Крупные города России столкнулись с этим явлением – преобразованием городского пространства под нужды торговли и сферы услуг – лишь в постсоветскую эпоху³.

На скамейке в центре улице сидят трое молодых людей, один стоит рядом. На скамейке стоит бутылка Кока-Колы. Они обсуждают личные проблемы. «Надо пойти в Парнас, купить чего-нить пожрать» (справа – самый громкоговорящий парень). Встают, идут в универсам Парнас. Через 15 минут выходят и садятся на подоконник около универсама с банками и пакетами с едой⁴.

¹ Полевые заметки от 30.11.2004

² *Zukin S.* Op. cit. P.189.

³ *Левинсон А.* Другие города ... С. 86.

⁴ Протокол наблюдения от 26.03.2005

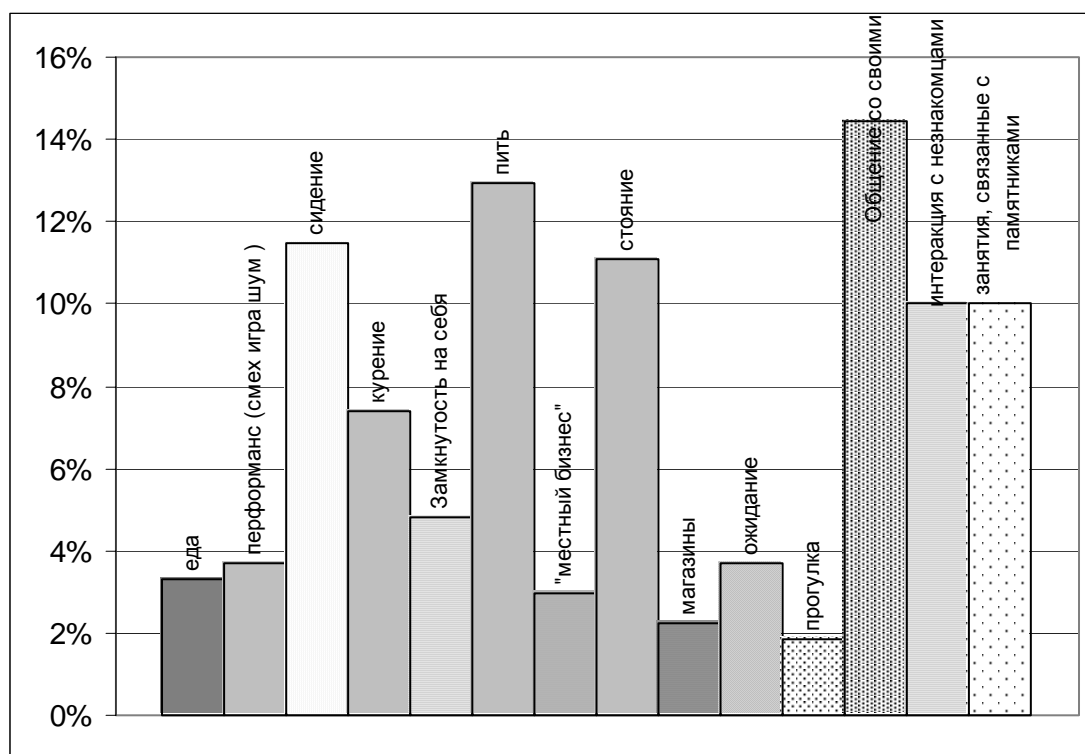

Диаграмма 1. Распределение видов деятельности, наблюдаемых на Малой Садовой улице.

На Диаграмме 1 представлены различные виды деятельности, в процентах от общего количества зафиксированных действий. Заметно преобладание интеракции между знакомыми людьми: интересно, что коммуникация с памятниками и незнакомцами оказались количественно равны. Основной вид деятельности на улице при этом – распитие спиртных напитков, особенно в холодные месяцы. Ближе к весне появляются лимонады и соки, но не за счет пива и коктейлей, которые все равно продолжают активно потреблять.

Малая Садовая как публичное место: критерии успеха

Итак, рассмотрев жизнь публичного места зафиксировав ее проявления «этнографическим» методом, можно перейти к более высокому уровню анализа и попытаться выявить предпосылки удачного функционирования места. В этом могут помочь критерии, выделенные для оценки качества публичных мест американским «Project for Public Spaces»¹. В соответствии с ними, ситуация на Малой Садовой выглядит следующим образом.

¹ Project for Public Spaces: Placemaking for Communities (www.pps.org). Некоммерческая организация, которая с 1975 года занимается обустройством публичного пространства в городах всего мира.

Удобство и имидж. Малая Садовая производит впечатление безопасного места – во-первых, хорошо просматривается, во-вторых, освещена по вечерам, в-третьих, находится в людном центре города. По наблюдению авторов “Project for Public Spaces”, «женщины очень хорошие судьи комфорта и имиджа, потому как они особенно придирчивы к публичным местам». По наличию большого количества женщин, тем более, женщин с детьми (причем мамы ведут себя спокойно и отпускают детей бегать практически без присмотра), можно сделать вывод – место рассматривается как безопасное. По наблюдению У. Уайта, наиболее удачные места имеют большой процент пар и групп, а также женщин. Где мало женщин – там что-то не так¹.

С точки зрения удобства, Малая Садовая не идеальна – зимой и осенью она почти всегда в тени; мест для сидения недостаточно, и они не слишком удобно расположены (стоят в ряд, что, с точки зрения группы, препятствует общению). Однако люди «выкручиваются» и находят возможности для общения (см. рис. 5).

Рис. 5.

На улице чисто, нередко приходилось наблюдать дворников за работой. Кроме того, в некоторых СМИ мелькала идея об «образцово-показательном» характере улицы. Видимо, Малая Садовая – важный для городских властей проект, они несут за него ответственность, это дело их престижа – потому за улицей следят. Еще один плюс Малой Садовой – ее пешеходный характер. Лишить машин возможности мешать людям – пока единственный очевидный властям способ сделать улицу популярной.

Что еще характеризует имидж улицы – ее активно фотографируют. Помимо обилия «фотогеничных» объектов (скульптуры, кустики, приятные виды на достопримечательности – на памятник Екатерине на другой стороне Невского; этот вид – такая же составная часть улицы, как и то, что расположено непосредственно на Малой Садовой), важно то, что фотографирование там легитимно с точки зрения посетителей – то есть признается ценность именно этой улицы как объекта съемки.

¹ Whyte W.H. Op. cit., p.106.

Использование и занятия. Необходимо соблюдение следующих принципов: чем больше разнообразных видов деятельности, тем лучше; баланс мужчин и женщин (женщины более придиричивы); место используется людьми разного возраста (пенсионеры и мамы с детьми могут быть там, когда другие работают); место используется весь день; место используется людьми и в одиночку, и в группах.

На Малой Садовой, как уже не раз говорилось, люди есть всегда. Это первый признак того, что улица удачно устроена. Кроме того, там присутствуют разные возрастные группы – и пенсионеры, и малые дети, хотя мы уже отмечали преобладание молодежи. Также важно то, что люди часто собираются группами, хотя расположение сидений не благоприятствует этому (люди вынуждены стоять и наклоняться друг к другу).

Выбор занятий на Малой Садовой очень велик – это и прогулки, и еда, и питье, и игры (спортивные, и не только), и слушание музыки, и беседы, и фотографирование, и многое другое. Созданы условия для того, чтобы поглазеть вокруг, не уходя далеко, купить что-то поесть, послушать музыку, покататься на роликах или велосипедах.

Социальность. Важнейшая, но самая труднодостижимая характеристика. Выражается она в том, что люди встречаются со знакомыми, чувствуют себя свободно в коммуникации с незнакомыми, и через привязанность к этому месту чувствуют свою сопричастность городскому сообществу. «Социальность» (дружелюбность обстановки, способствование интеракции, терпимость к различиям): ее раскрывают такие индикаторы, как наличие на улице детей, женщин, пожилых людей, представителей разных социальных групп, интенсивность уличной жизни, использование улицы в вечернее и темное время суток.

Мы не раз наблюдали, как группы собирались вместе именно на Малой Садовой. Сначала могли сидеть на скамейке двое, потом к ним присоединились еще двое, и еще, и еще; люди встречаются на улице случайно – в результате слышим удивленные радостные возгласы. Петербуржцы приводят своих гостей из других городов на Малую Садовую и гордо демонстрируют, например, кота Елисея.

Давно подмечено, что в публичных местах (кафе, барах, на улицах) появляются одиночки, которые никогда ни с кем не вступают в контакт, а просто наслаждаются тем, что находятся среди людей. На Малой Садовой это ощущение получить легко: нужно просто придти на улицу и остаться там на какое-то время. Люди привлекают других людей; мы ищем социальности, и на Малой Садовой ее найти просто, потому что там всегда кто-то есть. Причем это разные люди – и «модная» молодежь, и бездомные, собирающие регулярно бутылки, и артисты-музыканты, и дети, и старики.

Выводы

Анализ результатов наблюдений, проводившихся на Малой Садовой с апреля 2004 по апрель 2005, показал, что на улице практикуется большое количество *занятий*, в том числе связанных с ее физической средой. Особенно важна, по нашему мнению, «социальная» составляющая протекающих на улице процессов – интеракция со знакомыми и незнакомыми людьми (как вербальная, так и визуальная). Кроме того, коммуникация (в более широком смысле) происходит и с «властями», которые эту улицу отстроили, а теперь на уровне практик люди ее «перестраивают», придают ей иные смыслы. «Социальное»

использование выражается также в использовании Малой Садовой как сцены для самопрезентации и места встречи со знакомыми; кроме того, атмосфера на улице располагает к открытости, общению с незнакомыми.

Также мы выделили *различные способы использования пространства улицы* – с целью проведения свободного времени и с целью получения прибыли. Последний способ характерен не только для фирм, арендующих помещения на улице, но также и для слоя «неформальных бизнесменов», таких, как уличные артисты, мальчишки-рассказчики и т. п.

Значимым, как нам кажется, оказалось то, что среди посетителей улицы преобладает молодежь, особенно в будние дни. Это объясняется, с одной стороны, большей временной «привилегированностью» молодежи, с другой стороны – большей ее открытостью к публичности. Пенсионеры, например, тоже обладают полной временной свободой, но их на Малой Садовой заметно меньше. Старшие люди привыкли к другим формам публичности, а такой вариант, как пешеходная улица для них менее знаком, к нему еще нужно привыкнуть. Молодежь же, напротив, является «первопроходцем» новых пространств. Нам представляется, что именно благодаря молодежи у пешеходных публичных улиц в Санкт-Петербурге есть будущее.

Среди черт, привлекающих публику на Малую Садовую, прежде всего выделим такие: безопасность, «прозрачность» улицы; постоянное присутствие там людей; архитектурная среда, благоприятствующая самым разным занятиям; удачное транзитное положение улицы, доступность (в отличие от огороженных заборами парков, улица «приглашает», она имеет дружелюбный и располагающий вид); «историчность» улицы – наличие памятников архитектуры, столь важных для идентичности петербуржцев и др.

Рис. 6.

Последний пункт необходимо пояснить: Малая Садовая используется не только как место, но и как элемент имиджа города, направленный на туристов (и на горожан, в некоторой степени, тоже). Улица включена в экскурсионные программы различных турфирм, жители города приводят сюда своих иногородних гостей (см. рис 6) – т. е. улица является

элементом самопрезентации Петербурга, частью его официального имиджа «самого европейского» города России.